

Арефьев Александр Александрович

КОММУНИКАЦИЯ РИСКОВ: СОЦИАЛЬНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы социальной и философской оценки рисков как техногенной, так и антропогенной природы. Основное внимание уделяется анализу понятия "коммуникация рисков", актуальному для современных исследований гуманитарных технологий. Решается задача выделения основных черт нового социогуманитарного подхода к коммуникации рисков, включая необходимость преодоления "методологического национализма" и других препятствий на пути к успешному взаимодействию науки и общества как внутри страны, так и между государствами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 23-27. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1

Философские науки

В статье рассматриваются проблемы социальной и философской оценки рисков как техногенной, так и антропогенной природы. Основное внимание уделяется анализу понятия «коммуникация рисков», актуальному для современных исследований гуманитарных технологий. Решается задача выделения основных черт нового социогуманитарного подхода к коммуникации рисков, включая необходимость преодоления «методологического национализма» и других препятствий на пути к успешному взаимодействию науки и общества как внутри страны, так и между государствами.

Ключевые слова и фразы: риск; безопасность; коммуникация рисков; алармизм; техногенная катастрофа; судьба; фортуна; управление рисками; общество риска; социогуманитарные науки.

Александр Александрович Арефьев

Сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики

Государственный академический университет гуманитарных наук

fragor@rambler.ru

КОММУНИКАЦИЯ РИСКОВ: СОЦИАЛЬНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ[©]

Начнём с рассмотрения общего горизонта проблемы. Многие века человечество знает об опасностях и рисках. Свои методы управления рисками разрабатываются в различных областях знания и в настоящее время, но для гуманитарных наук политизация и технологизация самих результатов исследования рисков представляют вызов нового типа. Вот что пишет об этом Б. Г. Юдин: «Характерной особенностью современных социальных и гуманитарных технологий является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого они направлены, является та или иная поведенческая реакция индивида (опять-таки зачастую массового)...» [10, с. 63]. Из сектора технических наук заимствуется механистическая, по сути, модель взаимоотношения заказчика, исполнителя и потребителя товара, в нашем случае - информации о различных рисках - и ожидаемая реакция на неё от заинтересованных сторон. Интерес современных философов и социологов состоит в том, чтобы выработать адекватный ответ на этот вызов – гуманитарный подход, который рассматривает массовые процессы в обществе с точки зрения нравственных ценностей человеческого достоинства и ответственности. В центр внимания современных социологов и философов в России и за рубежом тема риска попала после выхода в 1986 году книги У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну». И вот, двадцать лет спустя, Г. Бехманн в своей статье констатирует, что проблемы рисков по-прежнему актуальны, и что, более того, в «мастерских теоретиков общества снова наметилось стремление к единению» [2, с. 26].

Рассмотрим некоторые показательные примеры из истории философии, в противопоставление которым современная социальная философия формулирует черты нового подхода к исследованию рисков.

Прежде всего, речь идёт о противопоставлении *Удачи и Судьбы*, Фортуны и Фатума. Рок, судьба – в этих понятиях звучат древность и религиозный дух почитания Предназначения. Религиозная философия и европейская наука явили миру грандиозную битву за свободу воли, победив в которой, наука, по существу, заменила одну необходимость на другую, божественную – на идею прогресса. Фортуна как счастливое стечение обстоятельств, везенье отражает, со своей стороны, другое, не менее древнее представление, родом из античного мира: судьбы не знают даже боги, и если они рискуют, то и смертный должен рискнуть, идя к цели.

В пользу тотальной необходимости, в которой растворена свобода воли, высказывались такие умы, как Августин и Спиноза, но интереснее в некоторых приводимых ниже отрывках обнаружить поддержку этой традиции со стороны таких «волюнтаристов», как Шопенгауэр и Ницше.

Фридрих Ницше в *Ессе Ното* приводит свой пример радикального фатализма, с помощью которого он боролся с дурными воспоминаниями и упадком духовных сил: «...я называю его *русским фатализмом*, тем безропотным фатализмом, с каким русский солдат, когда ему слишком в тягость военный поход¹, ложится наконец в снег. Ничего больше не принимать, не допускать к себе, не воспринимать в себя – вообще не реагировать больше... Глубокий смысл этого фатализма, который не всегда есть только мужество к смерти, но и сохранение жизни при самых опасных обстоятельствах... Тот “русский фатализм”, о котором я говорил, проявлялся у меня в том, что годами я упорно держался за почти невыносимые положения, местности, жилища, общества, раз они были даны мне случаем, - это было лучше, чем изменять их, чем *чувствовать* их изменчивыми, - чем восставать против них... Мешать себе в этом фатализме, насильно возбуждать себя считал я тогда смертельно вредным; поистине, это и было всякий раз смертельно опасно. — Принимать себя самого как фатум, не хотеть себя “иным” — это и есть в таких обстоятельствах само *великое разумье*» [8, с. 704-705].

Артур Шопенгауэр в работе «О свободе воли» 1839 года разобрал основные мыслительные ходы и свидетельства своих великих предшественников, и пришёл к выводу: зрелый ум, после борьбы и отрицания,

[©] Арефьев А. А., 2012

¹ Ницше не ссылается ни на один источник, в котором описывалось бы такое поведение русских солдат. Сам философ участвовал только во Франко-Прусской войне.

принимает необходимость. «...*Всё, что случается, от самого великого до самого малого, случается необходимо... Но исключительно через то, что мы делаем, узнаем мы, что мы такое*» [9, с. 251].

Каковы же отличительные черты новых «служителей» Фортуны?

Древнему понятию рока - «форме детерминистской предопределённости» [3, с. 107] - Энтони Гидденс противопоставляет современное мировоззрение, для которого характерна вера в открытость событий.

Горизонт грядущих событий, несущих новые риски, открывается Гидденсом через великолепное по точности понятие «колонизация будущего» [Там же, с. 110]. Автор связывает феномен страхования – одного из экономических столпов постиндустриального мира – с более общим вектором освоения будущего. Как некогда мореплаватели отправлялись покорять новые земли, так и сегодня страховые компании и промышленные корпорации колонизируют будущее, стараясь угадать степени рисков и возможную выгоду. Тем самым создаётся институционализируемая среда риска, в которой происходит деквалификация отдельного человека. Крупнейшими разновидностями таких сред являются:

- страхование;
- фондовая биржа;
- букмекерский бизнес.

Социолог Н. Луман утверждает, что классическое различие «риск/надёжность», как и различие «риск/опасность», построено ассиметрично. «В обоих случаях понятие риска обозначает сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело, по меньшей мере – в современном обществе. Противоположная сторона выступает лишь как понятие рефлексии, функция которого состоит в том, чтобы прояснить контингенцию обстоятельств, попадающих под понятие риска. В случае “риск/надёжность” это показывают проблемы измерения; в случае “риск/опасность” - то, что только применительно к риску определённую роль играет решение (т.е. контингенция). Опасности - это то, чему некто подвергается» [6, с. 151]. И Бехман, и Луман развивают мысль о том, что коренное отличие современного понимания риска связано с действием и ответственным поступком, даже если речь идёт об отказе от действий, отказ также квалифицируется как решение. Российский автор А. П. Альгин даёт следующее деятельностное определение риска:

«Риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределённости в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели» [1, с. 23].

На этом кратком противопоставлении мы отчетливо видим, что представители современной западной социальной философии, известные по всему миру, выступают за коренное переосмысление идеи судьбы в пользу открытости будущего. Прекрасный новый мир – это завтра, которое мы строим, рискнув сегодня.

В современной проблематике риска можно выделить несколько направлений исследований, в которых восприятие, идентификация и управление рисками оказываются тесно связанными с вопросами их коммуникации.

Коммуникация рисков представляет собой трудный для изучения процесс, поскольку философы и социологи, в отличие от экономистов, имеют дело не с поддающимися квантификации чистыми и коммерческими рисками, а с экзистенциальными и социальными, такими, как изменение самоидентичности человека в обществе. Дополнительная трудность заключается в том, что доступность информации в современном обществе и частота её обновления делают невозможным фундаментальное исследование самой коммуникации – данные устаревают слишком быстро.

Выходом из этой ситуации является выработка нового, более гибкого подхода, способного совместить в единой теоретической рамке ресурсы философских и социологических исследований. Однако прежде чем переходить к этому вопросу, подробнее остановимся на содержании понятия «коммуникация риска».

«Принятие решений, их реализация, развёртывание последствий в пространстве и во времени затрагивает различное число социальных акторов. Иначе говоря, риск следует рассматривать как специфическую форму социальной коммуникации, связанную со стремлением рассчитать в настоящем неизвестное будущее. Коммуникация означает расширенное воспроизводство риска (по У. Беку: производство, распространение, потребление и новое производство рисков), формирование среды для новых рисковенных решений... Если катастрофы всё ещё не стали частью повседневности, то объяснить это можно тем, что накопление ущерба чаще всего компенсируется раскрытием позитивного потенциала риска, либо нейтрализуется другими рисками» [5, с. 55].

Автор цитируемого отрывка приводит для подтверждения последнего тезиса в качестве примера катастрофу в Чернобыле. Произошла вынужденная нейтрализация политических, социальных и экономических рисков, но затем последствия аварии стали использоваться как раз в этих сферах для производства новых рисков: как известно, из любого массового события, природного или антропогенного, можно извлечь выгоду.

Для обозначения произвольного увеличения масштаба события используется термин «алармизм», а выступления и публикации, в которых ставится цель усилить тревожные настроение и неопределённость в обществе в целом, называются *алармистским дискурсом*. Эта сторона информационных последствий рисков обсуждается среди сознательных граждан вне зависимости от их экспертного статуса, ведь предостережения, опасения и прогнозы высказываются официальными СМИ. Алармизм – негативное явление, вносящее элемент искусственной нестабильности в общество с целью извлечения материальной выгоды. Иными словами, алармизм является коммерческим антиподом добросовестной экспертной оценки. Спорадические вспышки «тревожных» заявлений невозможно контролировать, важно лишь определить, кому может быть выгодно усиление беспокойства, и избыточный риск будет редуцирован здравым смыслом.

Оборотная сторона проблемы – сознательное сокрытие важных для жизни и здоровья фактов от населения. На основе хронологических таблиц техногенных аварий и катастроф [4, с. 20-27] можно сделать вывод, что власти той страны, в которой происходит взрыв или утечка крупных масштабов, либо вообще не информируют население о случившемся, либо делают это через 20-30 лет. Это происходит и в тех случаях, когда последствия по-прежнему угрожают безопасности региона, но он всё так же приносит экономическую выгоду.

Документальный фильм об устранении последствий аварии реактора на ЧАЭС, насколько известно автору статьи, никогда не транслировался официальными телеканалами, но появился на выставке современного искусства, устроенной компанией *Google* в рамках акции «Ночь музеев». Этот пример ещё раз доказывает тезис У. Бека о том, что современные риски действуют транснационально, и свободный доступ к информации преодолевает любые государственные границы.

Коммуникация рисков в настоящее время уже не может уместиться в рамках национальной, классовой или какой-либо другой локальной системы. На это есть резонное возражение – безопасность государства является необходимым условием устойчивости общества как системы, поэтому коммуникация должна контролироваться соответствующими структурами. Здесь требуется внимание, чтобы понять, что речь не об устройстве и законодательстве отдельной страны, а о мировом сообществе. Само существование такого словосочетания обращает наше внимание на то, что в период после Второй мировой войны и до настоящего момента существует и множится круг проблем, который затрагивает любое государство и требует совместных усилий для выработки решения. Это очевидное обстоятельство, тем не менее, само подвергается риску в дискуссиях о безопасности, когда приводятся усиленные аргументы-антитезы «глобальные риски/ национальная безопасность», происходит именно эвфемизация языка, и реальные проблемы, такие, как безработица, безграмотность, устаревшие технологии и другие, «нейтрализуются» алармистскими утверждениями, которые в удобном контексте заменяют «глобальные риски» на «экологическую риторику», «космополитизм» и более жесткие высказывания в адрес лиц или организаций, исследующих эти проблемы.

Общение, передача, коммуникация, воспроизводство рисков – все эти понятия фиксируют реальные события. То, о чём написано выше, – факт нашей современной реальности, одно из составных звеньев информационной системы, где и происходит коммуникация рисков. Формализация и математизация рисков, к которым тяготеет наука, пренебрегая «околонаучными», «банальными» и «журналистскими» фактами, сами являются не более, чем звеньями. Это обстоятельство убедительно доказывается тем разрывом, который существует между выкладками специалистов и реальным восприятием рисков населением России. Никакой вины учёных в этом нет. Настало время сделать исследование столь же доступным, сколь и информативным, а это означает, что без конкретных примеров нельзя адекватно проиллюстрировать позицию автора. Именно автора, потому что претензии социологов и философов на полное понимание проблем современных нано- и биотехнологий, то есть на право называться исследователем в этих областях, не имеют оснований в реальности.

Следовательно, то, что делается Беком, Бехманном, Гидденсом, Хомским и другими современными авторами, исследующими риск (а не конкретную технологию, чип или биоимплант), и есть лицо социогуманитарных наук сегодня. Какие же черты выделяют этот новый подход в гуманитарных науках?

Во-первых, изначальная открытость новым событиям и фактам.

Во-вторых, гуссерлианское «эпохе», или воздержание от предварительного суждения, также сохраняется в современном подходе, поэтому на выходе получается исследование, не ставящее главной целью подтвердить или опровергнуть одну из уже существующих научных стратегий.

И, в-третьих, исследователь выступает даже не как социолог, философ или журналист, но как эксперт, который основывает свою оценку на фактах и делает заключение авторского характера. Это – гибкость мышления, которая позволяет менять форму и стиль подачи материала, но сохраняет стержнем смысл.

Подводя итог, скажем, что современная социальная философия *comme il faut* сохраняет верность логике, опирается на конкретные факты (*case studies* в англосаксонской традиции) и имеет право на свободную форму выражения, если это помогает прояснить и обогатить материал исследования.

Вопрос, что же именно ускользает из фокуса социально-философского рассмотрения общественной реальности, если исключить «околонаучные» локальные факты? Ответ – *методологическая пропасть* между «респондентом», «индивидом» и реальным человеком – потребителем рисков. Суть в том, что отсутствие информации, воспроизводство предрассудков и нежелание влиять на ситуацию в большинстве случаев определяет отношение россиян к риску. Ситуация кардинально меняется лишь в чрезвычайных ситуациях. Жители затронутых чернобыльской аварией районов единодушно высказывались о том, что охрана здоровья является для них центральной ценностью [7, с. 52]. Кроме того, автор статьи, проводившая исследование аварии, наглядно демонстрирует, как экологические риски трансформируются в социальные: «Полученные данные свидетельствовали также о том, что социальная организация общества всё более и более воспринималась респондентами как ситуация, при которой решение жизненных проблем мало зависит от них самих, что зачастую приводило к социальной дезадаптации, потере доверия к социальной среде и её функциями контроля и управления. Это, в свою очередь, обуславливало отчуждение от социального бытия, уход в себя, в лучший случае – в семью, как бы “выпадение” из социального пространства» [Там же]. Подобные явления в России и других странах дают основание вслед за автором приводимой статьи говорить о «субкультуре риска». В частности, мотив отчуждения как основной фактор деградации личности выделяет в своей монографии Гиём Леблан [12]. Французский философ и социолог занимается исследованием жизни «деклассированных элементов» социума,

то есть безработных, которые, в конечном счёте, рискуют стать бездомными. Леблан называет их «призрачной армией» людей, лишённых голосов, существование которой власти предпочитают не признавать. Как и в случае с субкультурой риска, отчуждение от социума является следствием *резкой и неожиданной потери привычных статусов и ролей*. Реабилитация и возвращение становятся трудными, а для некоторых – невозможными. Обратимся к ситуации в современной Японии: информация о безработных, попавших под сокращение и живущих на улицах, не скрывается СМИ этой страны. Власти открыто признают, что просто не в состоянии трудоустроить большинство граждан, старше 50 лет.

Согласно данным У. Бека, в Германии в середине 1980-х гг. ситуация была весьма близкая к нашей: рабочие в промышленных городах предпочитали подвергаться риску опасного производства, если он был не смертелен и гарантировал заработок. За прошедшее время экологическая полемика в Европе и США вышла на новый виток, и многочисленные судебные иски крупным корпорациям от пострадавших граждан отражают возросшее внимание к охране окружающей среды. Разумеется, параллельно следуют и негативные последствия – растёт чёрный рынок юридических услуг для устранения конкурентов в бизнесе через экологические санкции. В нашей стране освоен в основном последний вариант «коммуникации» экологических рисков.

Таким образом, ясно, что, говоря о *производстве* рисков, мы, прежде всего, подразумеваем компании, корпорации – юридические лица – и государство. Именно они, суть, источник информационных поводов говорить о рисках и воспроизводить их. Потребителями или «реципиентами» рисков называются, в сущности, все граждане всех государств независимо от индивидуальной принадлежности к предшествующей группе. Воспроизводством рисков занимаются СМИ, но феномен независимых новостей в блогах и Интернет-сообществах меняет ситуацию в сторону максимального сближения людей и событий, минуя идеологическую нагрузку.

Таковы, на наш взгляд, «макроигроки» на поле рисков. Конкретные случаи имеют дело уже с социологическим термином «актор», и в таком качестве выступают самые разные политические, экологические и другие группы и индивиды. Определяющим моментом является здесь, естественно, понятие социального действия, которое совершается актором: производство, потребление, распределение, воспроизводство и управление рисками.

Отдельно стоит отметить мультипликацию рисков – процесс, заслуживающий синергетического подхода из-за своей невероятно сложной и неустойчивой природы. По сути, риски в информационном обществе можно создавать ежедневно и без всякого основания. Наибольшую угрозу представляют «акторы», паразитирующие на реальных событиях с целью усиления паники, как в случаях, когда «объявляется» эпидемия и поднимаются цены на определённые лекарства. Таким образом, а с ними и затраты на их устранение умножаются, иначе говоря происходит мультипликация. «Таким образом, если принимать трактовку современности как общества риска, то основными особенностями, отличающими её от предыдущих этапов модернизации, являются резкий рост числа акторов риска, появление новых институционализированных сред и каналов коммуникации риска, все возрастающая, во многих случаях практически мгновенная скорость коммуникации и возможность гиперболизированного восприятия в самых разных частях мира, превращающая локальный риск в глобальный. Если расширенное воспроизводство риска можно считать нормальным проявлением человеческой деятельности, то специфика современной ситуации состоит в скачке от аккумуляции к мультипликации риска» [5, с. 66].

Исследование риска является одним из направлений социогуманитарной мысли, в рамках которого конкурируют стратегии самых разных уровней, формируются сообщества единомышленников и их оппоненты. Для понимания некоторых важных особенностей коммуникации в этой сфере вернёмся к начатой выше теме национальной государственной политики в отношении рисков. У. Бек остроумно поднял эту проблему в одном из своих выступлений. Он рассказал о реальном случае, когда некий английский социолог у себя на родине выслушал тезисы немецкого социолога Бека из новой тогда книги «Общество риска. На пути к другому модерну» и сказал следующее: «Что ж, это очень интересная книга, но есть немецкий привкус безопасности и благополучия в концепции общества риска. Британцы не могут позволить себе быть обществом риска» [11]. Замечательный пример, отталкиваясь от которого Бек утверждает, что такие понятия, как общественный класс, нация и национальность устарели и не могут использоваться для адекватного описания глобальных рисков. И, повторюсь, не космополитизм является рецептом Бека и его единомышленников, а выработка совместных решений, которые не привязаны к национальной политике. Ситуацию, при которой такая связь есть и государство произвольно выбирает, с какими рисками стоит бороться, а какими можно пренебречь, называется Бекем *методологическим национализмом*. Немецкий социолог выделяет следующие отличительные черты современных глобальных рисков (в приводимом выступлении обсуждалось глобальное неравенство).

1. Внезапность рискогенных событий и, следовательно, неготовность властей, учёных и журналистов своевременно отреагировать.
2. Отсутствие единой научной структуры (scientific framework) исследования рисков.
3. *Абсолютно транснациональный характер* рисков.

Таким образом, современная коммуникация по проблемам риска не может быть жестко привязана к национальной политике государства в виду того, что коммуникация самих рисков приобрела целиком межгосударственный и транснациональный характер. В противном случае решения, выработанные на основе устаревших схем, будут несвоевременными и неадекватными реальности.

Список литературы

1. **Альгин А. П.** Рискология и синергетика в системе управления. Петрозаводск, 2004.
2. **Бехман Г.** Современное общество как общество риска / пер. В. Г. Горохова // Вопросы философии. 2007. № 1.
3. **Гидденс Э.** Судьба, риск и безопасность / пер. С. П. Баньковской // THESIS. 1994. № 5.
4. **Глазко В. И., Чешко В. Ф.** Опасное знание в обществе риска. Харьков, 2007.
5. **Ефременко Д. В.** Эколого-политические дискурсы: возникновение и эволюция. М.: ИНИОН РАН, 2006.
6. **Луман Н.** Понятие риска // THESIS. 1994. № 5.
7. **Мозговая А. В.** Измерение риска в социологии // Риск: исследования и социальная практика: сб. науч. статей. М.: Институт Социологии РАН, 2011.
8. **Ницше Ф.** Собр. соч.: в 2-х т. М., 1990. Т. 2.
9. **Шопенгауэр А.** Афоризмы и истины: соч. М. – Харьков, 2000.
10. **Юдин Б. Г.** Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1.
11. **Beck U.** Global Inequalities and the Human Rights Regime [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=qvfAm7qGI0k> (дата обращения: 04.10.2012).
12. **Le Blanc Guillaume.** Vies ordinaires, vies précaires. Seuil, 2008

RISKS COMMUNICATION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DIMENSIONS

Aleksandr Aleksandrovich Aref'ev
Sector of Classical Expertise and Bioethics
State Academic University of Classical Sciences
fragor@rambler.ru

The author considers the problems of social and philosophical risks assessment of both technogenic and anthropogenic nature, pays attention to the analysis of the notion “risks communication” that is actual to the current researches of classical technologies, and solves the problem of emphasizing the main features of new social-classical approach to risks communication, including the need to overcome “methodological nationalism” and other obstacles on the way to successful interaction between science and society both within the country and between states.

Key words and phrases: risk; security; risks communication; alarmism; technogenic catastrophe; fate; fortune; risks management; risk society; social-classical sciences.

УДК 130.2/124.2

Философские науки

Современный способ функционирования культуры предполагает большой объем циркулирующей вербальной и невербальной информации, являющийся одновременно коммуникацией. Образ – конструкт сознания, манифестация индивида в современной жизни. Медийный образ как невербальное средство коммуникации, передающее субъективное состояние ее участника, рассматривается в статье через социальные нормы, маски для общения с Другим (самопрезентация), художественный и «сакральный» образы.

Ключевые слова и фразы: коммуникация; образ; маска; код; сообщение.

Юлия Владимировна Белоусова

Кафедра философии, богословия и религиоведения

Русская христианская государственная академия, г. Санкт-Петербург

julia_belousova@bk.ru

МЕДИЙНЫЙ ОБРАЗ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ[©]

Попытка исследования феномена образа обусловлена расширением панорамы коммуникативных средств, включающих все системы воплощенной чувственности человека. В исследованиях процесса коммуникаций ведущая роль в классической философии признавалась за вербальным языком, в то время как другие средства человеческой выразительности вытеснялись на обочину философского интереса. Самоименование «невербальный» признает первичность вербальной коммуникации.

Объявленный после лингвистического иконический поворот свидетельствует о захвате человека зрительными образами, что приводит к децентрации человеческой субъективности. Образы формируют наше сознание, выстраивая и направляя конструкцию взгляда и отношения к происходящим событиям и явлениям. Скорость восприятия визуальных идентификаций значительно выше, чем в понятийном мышлении. Сознание как способ восприятия мира и способ протекания внутренней жизни стало пониматься как система значений, в которых происходит не только мышление, но и видение. Следовательно, изучение форм реализации образов способствует пониманию современной социальной действительности.